

ДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ МОКШАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. Е. СЕДОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)

Как и любой другой, современный мокшанский язык выступает в двух формах – письменной и устной. Письменный язык нормирован и имеет свою диалектную основу, представляющую территориально разнообразную группу говоров, которые объединяются в центральный диалект. Это также язык, обработанный мастерами художественного слова.

При создании текста на мокшанском языке, особенно художественного произведения, литературный язык неизбежно отражает диалектные языковые особенности того или иного писателя. То есть в данном случае происходит нарушение языковой нормы, причем изменение начинается со слова или его формы.

Основной единицей всякого языка является слово. В мокшанском литературном языке есть слова, называющие один какой-либо предмет (явление), причем этот предмет (явление) всегда обозначается данным словом, например: *тише* «трава», *лов* «снег», *ломань* «человек». Наряду с ними есть слова и выражения, называющие одно и то же явление объективной действительности, но раскрывающие различные его стороны и с разных позиций, например: *кулмс* «умереть», *урадомс* «сдохнуть», *тона ииш тумс* «отправиться на тот свет», общее значение – «умереть»; *сетьмоста* «тихо, спокойно», *саворня* «тихо-тихо», *валомня* «тихо, медленно, постепенно» – «тихо»; *наксада* «гнилой», *макшу* «трухлявый» – «гнилой»; *виш* «сильный, крепкий», *таза* «крепкий, здоровый», *шумбра* «здоровый, обладающий здоровьем», *кеме* «крепкий,

здоровый; непоколебимый, стойкий» – «здоровый, крепкий».

Наличие таких слов и выражений вовсе не говорит о нарушении норм литературного языка, а, наоборот, способствует его развитию лексическими средствами. Перед исследователями встает вопрос: где находится источник многообразия форм? Этот источник – прежде всего в живой диалектной речи, изучение которой необходимо для познания всего богатства лексики и грамматики мокшанского языка. Диалекты во всем их разнообразии – вот основной источник обогащения литературного языка.

Кодификация современного мокшанского литературного языка отражает грамматические формы, свойственные центральному диалекту, принятому за его основу. Претворение в жизнь этих норм – нелегкий процесс в письменном литературном языке современного периода.

С точки зрения наилучшего обеспечения языкового употребления логично было бы ожидать, что норма литературного языка допускает единственный способ выражения – на центральном диалекте. В действительности же дело обстоит намного сложнее. Эволюция языка неизбежно предполагает стадию сосуществования двух (а иногда и более) способов выражения. Непрерывное изменение языка, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов и другие процессы приводят к накоплению явлений, которые становятся «избыточными» и приходят в противоречие с принятой нормой. Нормированность относится прежде

всего к письменному литературному языку – высшей форме общенародного языка, воплощающей наиболее характерные черты его грамматического строя. Уровень развития литературного языка в конечном счете определяется степенью вариантности, наличием/отсутствием архаизмов, историзмов, неологизмов, диалектизмов, фразеологизмов, несвободных словосочетаний.

Исследование, проведенное на материале разнообразных источников, показывает, что диалектная основа мокшанского литературного языка характеризуется особенностями, обусловленными разного рода влияниями. В нем наблюдается большое количество лексических вариантных образований и вариантные пары обычно представляют разные диалекты.

Из фонетических особенностей на всех этапах развития литературного языка проявляется следующая: в именных притяжательных формах присутствует гласный неполного образования [ʏ]. Например: *Күлевсь звоноксь, минь озсеме вастованок* (А. Тяпаев). – «Послышался звонок, мы расселись по местам».

В западном диалекте кроме выпадения гласных в некоторых случаях происходило явление обратного порядка – вставка гласных: *Кархацендярят – толганзонга аф муйсайть!* (Мокша. 1970. № 4, 70) – «И перьев не найдешь, если вспугнешь!» В данном случае автор использовал диалектную форму *муйсайть* (общеупотребительная форма *мусайть*) «найдешь» или же при публикации была допущена ошибка.

Морфологическую систему мокшанского языка отличает высокая продуктивность слово- и формообразовательных элементов. Их усвоение происходит в большой степени через письменный литературный язык, нормы которого допускают параллельное употребление исконных морфологических вариантов. В частности, в эту группу входят суффиксы *-чи-* и *-киин-*: *киренчнесь/киренкинесь* «сокращался».

Наличие письменных текстов позволяет рассмотреть вопросы лексической вариантности в мокшанском литературном языке в хронологическом порядке. На начальных этапах его развития наблюдалось изобилие

форм разных диалектов и перед писателями вставал вопрос, какую из них выбрать. По существующим письменным материалам видна основа языка – западный диалект. В издаваемой учебной литературе того периода авторы опираются на свой диалект, а материал другого диалекта они приводят в скобках. Например, учебник З. Ф. Дорофеева, представителя западного диалекта, создан именно на нем, а в скобках указаны лексемы юго-восточного диалекта. *Сон нолязе авать валомне (саворне) эшити*. – «Он опускал женщину потихоньку (тихонько) в колодезь»; *Шава шиста якамя тинги (нери)*. – «В среду ходили на огород (огород)»; *Вирьса улихть шумбаст (нумолхт)*. – «В лесу есть зайцы (зайцы)». В более поздний период (1930–1940-е гг.) лексические варианты не наблюдались.

В 1960-е гг. процесс обогащения мокшанского литературного языка продолжался при помощи слов, которые ранее были малоупотребительными. Вследствие этого мы наблюдаем картину лексического разнообразия, представленную синонимами. *Улхкомба Дашдаев аноклась ондатрань кеднят* (Ф. Атянин). – «Недавно Дашдаев приготовил шкурки ондатр»; *Аф кунара сась аказень эзда куля* (А. Тяпаев). – «Недавно пришла весточка от старшей сестры»; *Ася аськолясь тьяни коль сядя и сядя кенордазь* (Ф. Атянин). – «Ася теперь шагала все быстрее»; *Ну, сядя курок, а то – фкявок васта аф иляды*, – *стардозе Шуркать* (Ф. Атянин). – «Ну, быстрее, а то – ни одного места не останется», – торопил Шурка»; *Надясь эряскодсь азомс сонцень обидани* (С. Ларионов). – «Надя торопилась рассказать про свою обиду». Лексемы *кенордазь* «быстро», *стардозе* «торопил» относятся к западному диалекту, а *улхкомба* «недавно», *эряскодсь* «торопился» – к юго-восточному. Западный диалект продолжительное время характеризовал диалектную основу начального этапа развития мокшанского литературного языка. Со временем формы юго-восточного диалекта так же прочно вошли и в художественные произведения, и во все печатные издания на нем, создавая яркую образность, колорит. Писатели, представляя читателю богатство лексики мокшанского

языка, тем самым продолжают расширять диалектную основу современного письменного литературного языка.

Подобный процесс обогащения наблюдается и на примере довольно распространенных лексем, которые чаще встречаются в печатных изданиях. В данном случае писатели употребляют синонимы как в одном и том же тексте, так и в одном и том же предложении. Например: *сёрмадомс, тяштемс* «писать», *серьгадемс, тердемс* «звать», *кельготнемс, васькафнемс* «обманывать». *Тяфтама ученикне кельготнихть, васькафнихть* *тядяснон, учительснон и эсь ялгоснон* (Ф. Атянин). – «Такие ученики обманывают мам, учителей и своих друзей»; *Сейчас тердьса. Тяниек серьгадса* (Ф. Атянин). – «Сейчас позову. Тотчас позову».

Также в художественном произведении на одной странице можно встретить два разных слова с общим значением (одно – мокшанское, другое – заимствованное из русского языка). Например, в некоторых мокшанских говорах вариант *ильхтемс* «проводить» не употребляется, там встречается слово *прважамс*. «Тон, Агра, вов мезе: *ильхтьк цёрать скрость станция!*.. *Тя прважамась тейне мзярдовок аф юкстави*» (А. Тяпаев). – «Ты, Агра, вот что: проводи парня до самой станции!.. Эти проводы мне никогда не забыть»; *Вов родниконянь аротпсаськ, курок кармай работама меленцясь, содасасть кода кондясти тя эшинясь?* (Я. Пинясов). – «Вот почистим родник, скоро заработает мельница, знаете, как понадобится этот родничок?»

Для дальнейшего развития мокшанского литературного языка участники всех языковых конференций рассматривали целесообразность использования не заимствованных слов, а диалектных. В настоящее время из образовавшихся параллелей чаще активизируются мокшанские слова, употребляемость заимствованных явно уменьшается.

Обогащению словарного состава языка и образованию синонимических рядов способствует художественная литература. Автор может включать в свое произведение нелитературные средства или такие элементы, которые составляют индивидуальную особенность речи самого писателя – выходца из той или иной среды или местно-

сти: «*Ваше сиятельство*», – *пикадсь Савва пачк кайгиста* (Т. Кирдяшкин). – «“Ваше сиятельство”, – окликнул Савва очень громко»; *Кие, тонь имоцот, анархистсь и кие афкуксонь революционерсь?* (И. Девин). – «Кто, по твоему мнению, анархист и кто настоящий революционер?»; *Аф ся эрвазатъ инкса пичефтят?* (И. Девин). – «Не из-за этого непутевого переживаешь?»

В данном случае сочетание *пачк кайгиста* – элемент западного диалекта, носителем которого выступает сам автор. Следующие лексемы отражают авторский или территориально близкий ему говор. По своему значению они являются синонимами, пусть не абсолютными, общепотребительным словам: *имоць, мьяль* – «мысль, мнение», *эрваза, кальдяв* – негативная оценка человека.

В некоторых случаях такую произвольную передачу диалектных особенностей можно считать отрицательным явлением, следствием недостаточной культуры речи, но сейчас это один из путей обогащения языка исконными мокшанскими словами и словоформами. И если в ранние периоды шел процесс освобождения литературного языка от подобных речевых элементов, то сейчас наблюдается расширение его границ – в связи с развитием социальных функций литературной речи, художественной литературы: *Сяс, лувви ялгай, кармайн корхнема поэтть колга* (Мокша. 1994, № 2, 48). – «Поэтому, мой дорогой читатель, буду говорить о поэте»; *Ламотне няезь ся зльбятксненъ и тапарксненъ* (Мокша. 1994, № 2, 27). – «Многие увидели эти ошибки и путаницу»; *Аш перьфьяльганк пятай мезевок стама, конац кеподелезе ваймэръганьконь, эжделезе седиеньконь* (Мокша. 1994, № 2, 48). – «Нет вокруг ничего такого, что подняло бы наш дух и согрело бы сердце»; *Морайсь ефси аф «конень сельмот» моли сиде моронянь морвайгяленц (мотивонц) мельге* (Мокша. 1994, № 2, 93). – «Поющий совсем не “с закрытыми глазами” идет за мотивом песни».

Рассмотрим варианты распространенных в речи форм слов в представленных ниже примерах. «*Кие пандсы командировать?*» – *сядонга кяжельде марьгсь директорсь* (С. Ларионов). – «“Кто оплатит ко-

мандировку?» – со злостью спросил директор»; *«Ваше сиятельство»*, – *пикадсь Савва пачк кайгиста* (Т. Кирдяшкин). – ««Ваше сиятельство», – окликнул Савва очень громко»; *Туют, мяргат? А коза? Эрька азка, цёррабай* (А. Тяпаев). – «Уходишь, говоришь? А куда? Ну-ка скажи, малец»; *Финцне Максимнянь лангс варжактсть оржаста, кяжиста: мрдась, кле, воргяйсь* (А. Тяпаев). – «Одни посмотрели на Максима остро, со злостью: вернулся мол, беглец».

Лексемы *цёррабай* «малец», *воргяй* «беглец», *кяжьельде* «со злостью», *пачк кайгиста* «очень громко» являются вариантами более распространенных форм, которые образованы при помощи кодифицированных элементов: *цёроки, воргоди, кяжде, пяк кайгиста*. При анализе этих вариантов нельзя считать одни из них диалектными, а другие общеупотребительными. Это могут быть формы, наиболее употребительные в говоре автора. Явным доказательством служит слово *пачк* при образовании сравнительной степени наречия, встречающееся только в западном диалекте.

Речь своих героев писатели стараются передать фотографически точно, не объясняя непонятных для читателя слов, не заменяя просторечных элементов. *Эрьдова, аванят, стирнят, поминандасаськ Иванорясь бабазень* (И. Девин). – «Давайте, женщины, девушки, помянем бабушку Иваниху»; *Виде, тьяса, карточкаса няеви сяда ажаняста, а тоса – кезганаста* (И. Девин). – «Правда, здесь на фотографии он смотрится мягко, а там – более сердито»; *Тясовок, мзярда ни саме сей, станцияв, злякоткинешь аляце, кали, аф няйса стирнязень?* (И. Девин). – «Уже здесь, когда пришли сюда, на станцию, все волновался отец, неужели, мол, не увижу дочку»; *Июлень мани шить сюрлданзон ала трнаты – вачкаты куднек, ульянек. Ванка, вирське вачкаты!* (И. Девин). – «Под июльскими теплыми солнечными лучами дрожат и дома, и улица».

Для читателей, не знакомых с лексическим разнообразием мокшанского языка, не совсем понятны слова *ажаняста* «мягко», *кезганаста* «строго, сердито», *вачкаты* «дрожит», *злякоткинемс* «волноваться». Между тем мокшанский писатель

Илья Девин был одним из представителей чистого, незасоренного языка.

На рубеже веков в художественной литературе, публицистике, на радио, телевидении широко начали употребляться не чисто диалектные формы, а испытывавшие на себе влияние языка автора или мокшанского языка в целом. Произведения И. Девина достаточно богаты подобными лексемами. Например: *Кие, тонь имоцот, анархистсь и кие афкуксонь революционерсь?* – «Кто, по твоему мнению, анархист и кто настоящий революционер?»; *Вера кецясь, мирдец тьяштезе тя сермать!* – «Вера разволновалась, муж написал это письмо!»; *Аф ся эрьвазатъ инкса пичефтят?* – «Не из-за этого непутевого переживаешь?». У этого же автора можно встретить архаичные формы, которые в тексте даны с объяснениями: *Ушедсть пуромкинема алятне ораму (пуромкс)*. – «Начали собираться мужики на собрание».

Диалектная лексика неотделима от общенародной. Каждый писатель непременно прибегает к строительному материалу своего говора, чтобы придать яркость языку героя или обстановке действия художественного произведения. Ненормативность таких слов нейтрализуется. На первый план выступает тот факт, что подобные элементы являются наиболее допустимыми в неприужденной обстановке. Благодаря их употреблению у читателя возникает чувство, что он общается на одном языке с героями произведения.

Поступила 07.11.2013

ИСТОЧНИКИ

Атянин, Ф. Тунда / Ф. Атянин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1958. – 135 с.

Девин, И. Нардише : роман / И. Девин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – 365 с.

Дорофеев, З. Ф. Од веле. Васенце пяльксь / З. Ф. Дорофеев. – М. : Центриздат, 1928. – 109 с.

Кирдяшкин, Т. Кели Мокша : роман / Т. Кирдяшкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 299 с.

Ларионов, С. Хрусталеньпайкт : роман / С. Ларионов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 256 с.

Мокша : литературно-художественной и общественно-политической журнал. – 1970. – № 4 ; 1994. – № 2.

Пинясов, Я. Щятязень тундац : кочкаф произведения / Я. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. – 140 с.

Тяпаев, А. Миртгь-рва : повесть / А. Тяпаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 286 с.